Бледнолицая ложь. Как я помогал отцу в его преступлениях

Автор:
Дэвид Кроу

Бледнолицая ложь. Как я помогал отцу в его преступлениях

Дэвид Кроу

Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года

С самого детства маленький Дэвид Кроу видел разные стороны характера своего отца. Бесшабашный, смелый и решительный рабочий, хвастающийся военными подвигами и родословной, восходящей к индейцам-навахо – и вспыльчивый бывший заключенный, который довел до глубокой депрессии свою жену. И со временем все становится только хуже: постоянные переезды, жизнь в нищете в самых захудалых уголках Америки, издевательства сверстников… и участие в криминальных делах отца.

Несмотря на тяжелое детство в беднейшей индейской резервации, Дэвиду удалось получить образование и найти престижную работу. Но когда он нашел в себе силы покончить с прошлым, его противостояние с отцом вышло на новый уровень – когда на карту поставлено всё: с трудом достигнутое благополучие, успех, свобода и даже жизнь… Сможет ли Дэвид отказаться от соучастия в преступлениях, перехитрив своего отца – жестокого психопата, годами терроризировавшего всю семью?

Кинематографичная и искренняя, «Бледнолицая ложь» – это драматическая сага о силе духа, взрослении, ненависти и прощении. История Дэвида Кроу показывает: каким бы трудным и мрачным ни было твое детство, надежда возрождается из пепла.

Читайте реальную историю о тяжелом детстве и выживании с жестоким отцом, бестселлер Amazon и победителя многочисленных международных литературных премий на ЛитРес.

Душераздирающая история… Правдивый и несущий в себе надежду рассказ о том, как насилие со стороны родителей может бросить тень на всю последующую жизнь — Publishers Weekly

История Дэвида Кроу захватывает как кинофильм… Потрясающий рассказ, одновременно пронзительный и вдохновляющий. – Kirkus Review

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Дэвид Кроу

Бледнолицая ложь/Как я помогал отцу в его преступлениях

Посвящается моей жене Пэтти

От автора

Это подлинная история. Некоторые воспоминания я воспроизвел по словам родителей, потому что был в то время слишком мал, чтобы понимать, что происходит. Я много разговаривал с членами семьи, соседями, одноклассниками и прочими, чтобы отразить описываемые события как можно точнее. В некоторых случаях я обращался к семейным фотоальбомам и государственным архивам, чтобы проверить данные. Имена некоторых людей и названия мест намеренно мною изменены.

Часть первая

Навахо-Стейшн,1956

Отец и я (в возрасте трех лет) перед нашим домом на Навахо-Стейшн в резервации индейцев навахо, 1955.

Глава 1

Мне было три с половиной года, когда отец впервые мне сказал, что нам надо избавиться от моей матери. Это произошло холодным февральским утром. Отец доел свой обычный завтрак – яичница, хлеб и бекон, – встал из-за стола и накинул пальто. Мы с Лонни и Сэмом позавтракали кукурузными хлопьями задолго до того, как он проснулся.

– Тельма-Лу, собери Дэвида, – приказал он матери.

Его низкий голос заполнил весь наш крошечный домик.

– Мы с ним едем покататься.

Мама вбежала в гостиную с тем перепуганным видом, с которым всегда исполняла приказы отца. Я сидел по-турецки на полу и смотрел «Маленьких негодяев», пока она, как поломанная заводная игрушка, металась вокруг меня туда-сюда.

– Собирайся, Дэвид! – взвизгнула она.

Мой младший брат, Сэм, в подгузнике, возил пластмассовый грузовик по истертому ковру и смеялся, когда мама спотыкалась о его игрушки. Наша кошка Ночка увернулась у нее из-под ног и ретировалась под кресло. Семилетняя Лонни, как обычно, заперлась у себя в комнате, слушая радио и игнорируя всех остальных.

Мама всегда вела себя ужасно нервно, как будто сейчас случится что-то страшное. Когда отец был дома, становилось еще хуже. Прежде чем она дотянулась до меня своими цепкими руками, я подбежал к шкафу, нацепил куртку и ботинки и выскочил за дверь.

Мне пришлось, ежась, топтаться на крыльце, пока отец отскребал лед с нашей машины, «Нэш Рамблер», которую я называл Зеленым Бомбардировщиком. У меня для всего были свои имена. Белый пар вырывался из выхлопной трубы в морозный воздух. Мне очень хотелось поторопить отца, но я никогда бы на такое не осмелился. У него за спиной поднималось в небо здание компрессорной станции «Навахо», где он работал. Отец говорил, что станция прокачивает миллионы фунтов природного газа по огромному трубопроводу. Его гнали по трубам мощные турбины, и мне казалось, от их грохота станция вот-вот развалится.

Рядом со станцией, окруженные общим забором, стояли двадцать домов, принадлежавшие работникам «Эль Пасо Нэчурал Газ» и их семьям. Для краткости все называли компанию просто ЭПНГ. Остальными нашими соседями были гремучие змеи, заблудившийся скот, овцы, койоты, кролики и кукушки. Но с холодами они все исчезли. Папа говорил, мы живем в резервации индейцев навахо, но, поскольку мы чероки, нам не надо соблюдать все их треклятые правила.

Снежинки кололи мне щеки, и я переминался с ноги на ногу, чтобы вконец не замерзнуть. Папа проскреб две щели на заледеневшем лобовом стекле, потом сбил лед с ручки пассажирской двери и скомандовал мне залезать.

– Тут холодней, чем у могильщика в заднице, так что давай пошевеливайся, – крикнул он, перебегая на водительскую сторону. – Сейчас мы с тобой повеселимся.

Папа стряхнул снег со своих ботинок и уселся за руль. Его мускулистые руки и мощная грудь выглядели еще массивней в толстой рабочей куртке с вездесущим красно-желтым логотипом ЭПНГ. Головой он почти касался крыши.

– Поехали!

Он утопил в пол педаль газа, и Зеленый Бомбардировщик помчался в глубь аризонской пустыни. Стоило мне подняться на колени, чтобы посмотреть, что происходит, как отец нажал на тормоза и вывернул руль в сторону, отчего я полетел на пассажирскую дверь, как на ярмарочной карусели.

– Видишь – здорово же!

Он снова нажал на газ, и мы рванулись вперед. Спустя секунду отец опять затормозил. Я навалился на приборную доску и ударился головой о металл. Он рассмеялся.

– Смотри не сломай бардачок, – сказал он. – Денег на замену у нас нет.

В следующий раз я полетел вниз, и отец опять расхохотался. Я вскарабкался обратно на сиденье и свалился еще раз, когда он повторил свой трюк.

– Тебе, черт побери, надо быть крепким! – покачал он пальцем у меня перед лицом. – Терпеть не могу неженок. Ты, конечно, тощий, и толку от тебя немного, но все-таки ты упертый сукин сын! Помни, ты – Кроу, настоящий чероки, самый хитрый и бесстрашный!

Отец выровнял руль, но скорость не сбросил. Дворники скребли по замерзшему стеклу, за окнами летел снег.

– А теперь пора поговорить по-мужски, – сказал он. – Мне надо сообщить тебе что-то важное, но сначала пообещай, что никому не расскажешь.

Своей гигантской рукой отец крепко стиснул меня за локоть.

– Ты понял?

– Обещаю, – нервно хихикнув, ответил я. Обеими руками я вцепился в дверную ручку, чтобы больше не падать, но теперь боялся, что дверь откроется и я вылечу на дорогу.

– Нам надо избавиться от твоей матери, – заявил он решительно и хрипло. – У нее с головой не в порядке, и если она и дальше будет вас растить, вы тоже станете полудурками. От нее никакой пользы, один вред. Она вас уничтожит – уничтожит всех нас. Ты же понимаешь, что у нас ей не место, правильно, сын?

На самом деле я ничего не понимал, но все равно кивнул. Отец постоянно плохо говорил о маме – что она сумасшедшая, тупая, грязная сука, вся в свою мать и остальных бездарных членов семейки Далтон.

Но не собирался же он по-настоящему избавиться от нее! Да, он мог кричать, чтобы она убиралась и не возвращалась назад, а порой даже поднимал на нее руку. Но она все равно никуда не уходила со станции ЭПНГ, если только отец не отвозил ее в город. Обычно после ужина все возвращалось на круги своя. А по ночам до меня доносился смех из родительской спальни.

Я вцепился пальцами в ручку двери и заглянул отцу в лицо. Под шапкой густых вьющихся темных волос на лбу проступила вена в форме буквы Y, большие голубые глаза выкатились так, будто вот-вот лопнут. Губы плотно поджаты – когда злился, он всегда выглядел очень страшным.

Оставит он маму на станции? Или высадит из машины на дороге, к пьяным индейцам? А может, посадит в автобус и отправит к ее матери, как грозил уже не раз? Но отец говорил, что своей мамаше-шлюхе она не нужна. Точно так же как двум безработным алкоголикам-братьям. А дедушка Далтон и о себе-то позаботиться толком не может.

Мама выходила из дома одна, только чтобы попросить чашку сахару у кого-нибудь из соседок по станции – хотя она всегда высыпала сахар в раковину, стоило ей вернуться домой. Пару раз она брала меня с собой, и я слушал, как она рассказывает, что мать жестоко с ней обращалась, а братья избивали. Даже отец ничем не мог ей помочь. Она хватала соседку за руку, дышала ей в лицо и шептала, что сейчас ее жизнь нисколько не лучше – муж ее бьет, а дети не слушаются. Женщина отстранялась, спешно совала маме сахар и захлопывала перед нами дверь.

Бедная мама! Большую часть дня она лежала на диване и просила нас с Лонни сделать что-нибудь вместо нее.

– Мне нужна помощь, – говорила она. – Сама я это сделать не смогу.

Моя сестра закатывала глаза. У мамы никогда ни на что не было сил. Бывало, что она целый день не снимала ночную рубашку и одевалась только перед возвращением отца – или не одевалась вообще.

Другие мамы на станции были не такие. Они улыбались, смеялись. Заворачивали детям с собой обед и болтали с ними, ожидая на остановке школьный автобус. Когда тот приезжал, мамы обнимали их и желали хорошего дня, а потом шагали назад, к своим домам, энергично взмахивая руками на ходу.

Но только не моя.

Лонни сама заворачивала себе обед, сама делала уроки и сама готовила завтрак. А мама бродила от кровати к дивану. Я жалел ее, но от маминого визгливого, пронзительного голоса у меня болела голова.

Если она исчезнет, кто будет нашей мамой? Неужели жуткая старая миссис Белл из соседнего дома?

Отец резко надавил на тормоз и опять стал ездить кругами. Шины скрипели на заледеневшей дороге. Его лицо снова казалось спокойным и расслабленным, как тогда, когда они перешучивались с товарищами по работе. Руки у меня устали и вспотели.

– Весело тебе, сын? – засмеялся он.

Может, он ничего такого и не имел в виду. Может, он не собирается высаживать маму в пустыне, чтобы она не нашла дорогу домой.

Но, похоже, говорил он все-таки серьезно.

Отец, судя по всему, поделился своим секретом и с Лонни. Моя сестра знала все про нашу семью, хотя про маму никогда ничего не говорила – только то, что у нее с головой не в порядке.

Лонни была такой же худой, как мама, с ее золотисто-рыжими волосами и зелеными глазами, но вела себя совсем по-другому. Улыбка не покидала ее лица, и ходила она упругой походкой. Сестра играла на фортепьяно, постоянно читала и училась на одни пятерки. Все ее любили. Лонни была полна жизни – а мама походила на сдувшийся воздушный шар, болтающийся по ветру.

По утрам, когда отец уходил на работу, я начинал носиться по дому, и мама говорила, чтобы я перестал кричать словно помешанный. Я играл в футбол, размахивал бейсбольной битой и попадал мячами по лампам, картинам и журнальному столику в гостиной. Мама гонялась за мной, пытаясь ухватить за рубашку или брюки, но догнать не могла. Когда она решала, что с нее довольно, то отпускала меня гулять на улицу.

Однажды утром, в дождь, она велела мне сидеть дома. Чтобы заставить ее передумать, я забрался сверху на стиральную машину и сунул бейсбольную биту в барабан. Мама сразу же прибежала, но барабан успел погнуться, так что его пришлось сдавать в починку. Отец сильно меня отшлепал за эту, как он ее назвал, идиотскую выходку. На ногах у меня еще долго оставались синяки.

В другой дождливый день наша кошка Ночка прибежала домой вся мокрая, и я посадил ее в сушилку. Она взвыла, как сумасшедшая. Когда Лонни ее вытащила, кошка бросилась в гостиную и взлетела вверх по шторе, сорвав ее с карниза. Стоило нам вбежать в комнату за ней, как она спрыгнула на пол.

Лонни дала мне пощечину и обозвала зверенышем. Она сказала, что все соседи так меня зовут. Но я просто хотел высушить кошку. Я не собирался ее пугать.

Отец сказал маме, что ждет не дождется, когда я сбегу из дома с бродячим цирком.

В те дни, когда мама разрешала мне погулять, я первым делом бежал к компрессорной станции, собираясь нарушить пару-тройку правил. Отец говорил, что я должен быть хитрым. «Только смотри, не разозли кого-нибудь из начальства, – напоминал он. – Иначе тебе не поздоровится».

Я брал из его ящика с инструментами гаечный ключ и говорил, что отец забыл его дома, а я ему принес. Я вскарабкивался по металлической лестнице и лупил ключом в гигантскую стальную дверь компрессорной, пока кто-нибудь из рабочих мне не открывал. Обычно меня встречали улыбкой; рабочий подносил руку ковшиком ко рту и кричал: «Позовите кто-нибудь Терстона», – стараясь заглушить шум турбин.

Все рабочие начинали смеяться. Детям нельзя было находиться на станции, рядом с огромными двигателями, поэтому отец делал вид, будто сердится на меня. Иногда, когда я приходил, он собирал вокруг себя остальных и рассказывал обо мне разные истории.

– Ни один другой мальчишка не решился бы явиться сюда и постучаться в дверь. – Он гладил меня по голове и улыбался. – Только мой Дэвид на такое осмеливается.

Прежде чем отослать меня назад домой, отец забирал гаечный ключ, но на следующее утро я его находил на прежнем месте. Рабочие прощались со мной, говоря: «Увидимся завтра, дружище».

В то лето, когда мне исполнилось четыре, отец перед уходом на работу начал меня «воспитывать». Он говорил: я должен быть таким же сильным и смелым, как наши предки-чероки. Он подбрасывал меня в воздух и протягивал руки, чтобы поймать, но потом мог убрать их за спину, и я падал на землю. Все тело у меня было покрыто царапинами и синяками.

Отец только смеялся:

– Я учу тебя быть начеку, парень. Я не всегда буду рядом, чтобы тебя защитить.

Он кричал на меня, когда я пугался, и говорил не смотреть на его руки.

– Группируйся, чтобы смягчить удар, – говорил он. – Защищайся сам. Тебе что, все надо объяснять? Да и вообще, от шишки на голове ничего с тобой не случится.

Несколько раз он привязывал меня к старой сосне у нас во дворе. Отец оборачивал толстую колючую веревку вокруг моей груди и лодыжек и плотно затягивал узел.

– Попробуй-ка выбраться, хитрый мелкий ублюдок.

Затем он разворачивался и уходил.

– Папа, пожалуйста, развяжи меня… пожалуйста… пожалуйста.

– И не подумаю. Ты ничего не должен бояться – естественно, кроме меня, – бросал он через плечо.

Я звал его, плакал, но это никогда не помогало. Веревка впивалась мне в кожу, узел затягивался еще сильнее, словно китайская ловушка для пальцев. Вскоре у меня все тело начинало трястись, и становилось трудно дышать. Слезы лились по лицу и капали на веревку. Я совсем не чувствовал себя храбрым чероки.

Если кто-то проходил мимо, я кричал:

– Эй! Я нечаянно привязал сам себя к дереву. Вы мне не поможете?

Я издавал принужденный смешок, но звучал он натянуто и неубедительно.

Обычно мистер Белл приходил и развязывал веревку.

– Я знаю, это твой отец сделал, – говорил он. – И это очень нехорошо.

Если мистер Белл не являлся меня освободить, мать выскакивала из дома и помогала мне, как только отцовский «Рамблер» скрывался из виду.

Глава 2

Отец работал под непосредственным руководством Чэмпа, директора станции. Чэмп был моим лучшим другом. Он сам не раз так говорил.

Когда никто не видел, я подтаскивал деревянную скамейку к его громадному красному пикапу с логотипом ЭПНГ, припаркованному возле компрессорной, забирался в кузов и ложился на живот, дожидаясь, пока он поедет инспектировать газопровод. Тогда я подскакивал и колотил в заднее стекло. Чэмп хохотал и разрешал мне пересесть к нему в кабину.

Мы грызли семечки и пили кока-колу, которую он держал в сумке-холодильнике под сиденьем. Я ставил на нее ноги и болтал без умолку, спрашивая его о турбинах, кукушках, гремучих змеях – обо всем, что приходило мне в голову. Чэмп говорил, что у меня моторчик в языке. Я хихикал, когда он по рации связывался с отцом, чтобы сообщить, что мы вдвоем инспектируем трубы.

– Вот же паскудный проныра! – говорил тот, но никогда не ругал меня, если я был с Чэмпом.

Хотя у отца не было высшего образования, он мог переговорить кого угодно – и по любому вопросу. У нас дома стояла куча книг по инженерии и математике, и все он прочел от корки до корки. Отец знал больше, чем остальные рабочие на заводе, вместе взятые, о турбинах и о том, как с ними правильно обращаться.

Никто никогда его не перебивал и не возражал ему. Если отец переходил на повышенные тона, его подчиненные старались скорее куда-нибудь ускользнуть. Они обязательно смеялись всем его шуткам. А когда я приносил отцу гаечный ключ, то говорили мне, что он – самый умный парень, с каким им приходилось встречаться.

Все разговоры в поселке были только про газ; запах газа витал повсюду. Мы привыкли и не замечали его, пока кто-нибудь посторонний не напоминал о нем. Кто-то из старших мальчишек сказал мне, что в ЭПНГ используют бычьи ветры, чтобы газ так вонял. Отец объяснил, что это запах серы.

– Без запаха мы не заметим протечки, – сказал он, раздувая грудь, чтобы все обратили на него внимание.

Мы только что закончили есть мамин традиционный ужин – жареную бамию, ростбиф и ледяной чай, – который она подавала чуть ли не каждый вечер. Мы с Лонни любили сидеть за столом и слушать, как отец рассказывает про турбины, которые гонят газ до самого Лос-Анджелеса. Иногда он рисовал нам схемы, чтобы показать, как они работают. Турбины были огромные, и их внутренние механизмы двигались быстрей, чем мог уловить глаз.

– А если мы не заметим протечку, взрывом нас всех разметает аж до Мексики.

Мне всегда становилось не по себе, когда отец говорил про взрывы. Годом раньше компрессорная взорвалась во время испытаний новой турбины. Все до сих пор об этом вспоминали, как будто это произошло вчера.

То утро началось как обычно: мама дремала на диване, я за телевизором смотрел мультики, а Сэм играл в своем манеже. Сначала раздался какой-то грохот, а потом взрыв так тряхнул наш дом, что картины попадали со стен. Я бросился к окну. На улице выла сирена, люди куда-то бежали. Ночка словно с цепи сорвалась – стала носиться по комнате, а потом вскарабкалась по шторе до потолка и повисла там. Шерсть ее стояла дыбом.

Второй взрыв был куда сильнее, чем первый, – от него я свалился с ног. Над станцией поднялся клуб огня, черный дым повалил в ярко-голубое небо. Здание скрылось за его непроницаемым облаком. Под завывание сирены нас сотряс еще один взрыв. Бычьи ветры пахли прямо-таки отвратительно, словно их подпалили спичкой.

Мама подхватилась с дивана и забегала по гостиной кругами, рыдая и трясясь всем телом. Я забился в угол, зажав уши ладонями, – мне казалось, что потолок вот-вот обрушится нам на головы. Сэм посмотрел сначала на маму, потом на меня и, сморщившись, громко заплакал. Лонни была в школе, поэтому успокаивать маму должен был я, но я не знал, что делать, потому что она, вскрикнув, вдруг рухнула на пол.

Грохот на улице продолжался. Черный дым заполнил весь дом, и воздух стал густым и едким.

Я несколько раз потряс маму за плечо, но это не помогло. Собственно, это никогда не помогало. Она лежала на полу, сжавшись в клубок, с зажмуренными

глазами, и стонала. Тут в гостиную вбежала миссис Белл. Ее муж работал в ночную смену и отсыпался дома, когда станция взлетела на воздух.

– Тельма-Лу, – сказала она, – мы пока не знаем, что там произошло. Все, кто не на работе, побежали на подмогу. Будем надеяться, с Терстоном все в порядке. Только успокойся!

В поселке никто не запирал двери – мы жили как одна большая семья. В трудные минуты все помогали друг другу. Даже те, кто избегал общения с мамой, пришли, чтобы узнать, чем нам помочь.

Миссис Белл присела на корточки рядом с мамой.

– Ну же, Тельма-Лу, соберись! – Она погладила ее по спине. – Вместе мы как-нибудь справимся.

Другие соседи начали заходить к нам в дом и успокаивать маму. Миссис Белл уложила ее на кушетку и принесла стакан воды, но у мамы так тряслись руки, что вода пролилась на пол. Отец говорил, что миссис Белл недолюбливает нашу маму, но в тот день она держалась очень дружелюбно: гладила ее по плечу и пыталась утешить. Она говорила с ней, как с маленьким ребенком, спрашивала, где Лонни – в школе? Мама кивнула; она захлебывалась от слез и не могла ответить.

Наконец грохот прекратился, но дым и огненные облака продолжали подниматься в воздух. Сэм еще сильней заревел в своем манеже, и одна из соседок взяла его на руки, покачать и успокоить. Но через пару минут он снова заплакал, услышав сирену пожарной машины. Я выбежал на улицу посмотреть, и Ночка выскользнула следом за мной. Через кусты она нырнула к соседям. Миссис Белл закричала, чтобы я вернулся в дом, но я не послушался ее, и она вылетела во двор, вся красная, и схватила меня одной рукой за рубашку, а второй за щеку, и потащила внутрь.

Миссис Белл была из тех, кто звал меня зверенышем. От нее странновато пахло каким-то лекарством, и она вечно на всех ругалась. Вообще-то ее звали Беатрис, и отец прозвал ее Жирной Би – из-за гигантских габаритов. Мистер Белл тоже жаловался на меня, хоть и отвязывал периодически от дерева. Я ни разу не видел, чтобы он улыбался. Отец говорил, что он – жалкий никчемный сукин сын.

К тому моменту, как Чэмп пришел поговорить с мамой, ее рыдания превратились во всхлипы. Она так и лежала на диване в халате, со спутанными волосами, будто только что проснулась. Глаза у нее дергались. Чэмп сказал, что отец сильно обгорел и сейчас находится в больнице. Хотя Чэмп погладил меня по голове и улыбнулся, его серые глаза были печальны. Он сказал, что некоторые пострадавшие могут умереть, но отец должен выкарабкаться.

Заплаканные соседки одна за другой приходили проверить, как у мамы дела. Жена Чэмпа отвезла ее в больницу, а другие пока сидели у нас в гостиной, с Сэмом и со мной, и качали головами, словно отец уже не вернется – но я знал, что все с ним будет хорошо.

Лонни прибежала из школы вся в слезах. Кто-то из мужчин рассказал ей, что произошло.

– Ваш отец пытался перекрыть поврежденный газовый клапан, но турбина взорвалась, – объяснил он, утирая слезы рукавом. – Ему удалось выбраться, и его вместе с другими парнями срочно отвезли в больницу. Он жив, но сильно обгорел.

Было уже темно, когда мама вернулась из больницы домой. Она так тряслась, что не могла говорить, и жене Чэмпа пришлось заводить ее внутрь.

– Ваш папа весь в бинтах, как мумия, – сказала мама, снова свалившись на диван.

– У него даже грудь не поднимается. Врачи говорят, он жив, но мне показалось, он мертвый.

Мы с Лонни заплакали – что, если мама права и отец действительно умер?

– Терстон, – выла она, – как ты мог умереть и оставить меня одну с детьми! Ты должен заботиться о нас!

Она встала с дивана и улеглась на кровать. Лонни велела мне собрать с пола игрушки, а потом открыла нам на ужин консервы: свинину и бобы. Семилетняя сестра заботилась о нас лучше, чем мать. Лонни сменила Сэму подгузник,

накормила его и уложила на ночь в кроватку, а потом попыталась дать маме поесть.

Много дней после этого соседки приносили нам еду и сидели с мамой. Они по очереди возили ее в больницу, и когда по вечерам она возвращалась домой, мы спрашивали, жив отец или нет. Она качала головой.

– По-моему, нет, но врачи говорят, он живой.

Однажды вечером, войдя в гостиную со своим обычным перепуганным, растерянным видом, она сказала:

– Ваш папа жив. Я его едва узнала – у него все лицо опухло под повязкой. Но он назвал меня по имени, так что, видимо, это все-таки он.

Отец еще долго лежал в больнице, и нам не разрешали его навещать. Наши микробы могут его убить, говорили маме врачи.

Когда она наконец привезла его домой на Зеленом Бомбардировщике, мы с Лонни выбежали на улицу ему навстречу. Мама оказалась права – он был совсем не похож на нашего большого, сильного папу. Голова у него раздулась, словно тыква, а глаза превратились в крохотные щелки. Лоб и нос полыхали алым, кожа клочьями сходила с лица. Он стонал от боли. Мама сменила ему повязку, и отец ни разу при этом не крикнул на нее и не ударил.

Жители поселка еще несколько месяцев не могли прийти в себя после той аварии, но отец говорил, что служащие ЭПНГ должны осознавать риски. Несколько рабочих сильно пострадали при взрывах, два человека погибли. Им на смену пришли новые сотрудники, турбины починили, и жизнь на компрессорной станции потекла как раньше.

Кожа у отца постепенно зажила, и он вернулся на работу. И вскоре опять начал кричать на маму и говорить, чтобы она убиралась куда глаза глядят.

Обычно мама не знала, где я нахожусь. Соседские жены жаловались отцу, что я бегаю за территорию поселка, куда детям выходить запрещалось. Матери надо

лучше смотреть за мной, говорили они.

– Ну, за территорией он ничего не попортит, – отвечал им отец. – А ему самому все как с гуся вода.

Женщины не видели тут ничего смешного, но отцу было все равно. Он говорил, я правильно делаю, что нарушаю правила резервации – чероки всегда устанавливают собственные правила, чтобы выжить.

Проезжая мимо на своих красных грузовиках, рабочие ЭПНГ замечали меня вдали от дома и всегда останавливались, чтобы подвезти. Когда они говорили отцу, что бродить одному по пустыне для ребенка небезопасно, он только смеялся им в ответ.

– О Дэвиде не беспокойтесь! Он всегда найдет дорогу назад.

Однажды утром, когда отец отослал меня домой с компрессорной станции, я встал в очередь на школьный автобус. Ни Лонни, ни водитель не заметили, как я проскользнул внутрь. Когда мы подъехали к начальной школе в Ганадо, я затесался между учениками, вылез вместе с ними и зашел в здание.

Но тут Лонни меня догнала. Получалось, что водителю придется вернуться назад в поселок ради всего лишь одного пассажира. Сестра закричала, что я противный мальчишка. Я со смехом вскочил в пустой салон автобуса и стал носиться по нему туда-сюда.

Лонни всем говорила, что я – пронырливый крысеныш, от которого одни неприятности. Когда в следующий раз я опять оказался в автобусе, она меня не замечала, пока я не вылез из-под сиденья. Она хотела, чтобы водитель не вез меня обратно, а заставил пройти пешком двадцать миль до дома. И я бы смог – но мне не пришлось этого делать. Водитель сказал, что, если я дождусь с ним, пока первые классы закончат урок, он подарит мне фляжку Дэви Крокетта со встроенным компасом. Это была выгодная сделка, и я охотно согласился.

Зато по субботам отец с матерью точно знали, где я, потому что мы все вместе ездили за покупками на рынок Хаббел, всего в одной улице от школы. В этих поездках мне нравилось, что на рынке я мог вблизи посмотреть на индейцев навахо. Все наши соседи были или мексиканцами, или англосаксами, и они

никогда не одевались так, как навахо, приезжавшие в город. Мужчины заплетали длинные черные волосы в косы, надевали бирюзового цвета галстуки и черные шляпы с серебряной лентой. На женщинах красовались бисерные ожерелья и браслеты; они ходили в ярко-алых юбках. Дети представляли собой миниатюрную версию родителей.

Стоило нам въехать на рынок, как я бросался к навахо – их телегам и грузовикам. Иногда гонял их овец, которые от испуга начинали громко блеять. Они разбегались во все стороны, и управляющий рынка размахивал в воздухе руками и кричал на меня. Приходилось заново сгонять и пересчитывать все стадо.

Мне казалось, что это очень весело, но отец всякий раз меня сильно бил.

– Ты – настоящая заноза в заднице, – приговаривал при этом он. – Навахо просто хотят продать своих овец, кое-что прикупить и скорее смыться отсюда. Им не до твоих глупостей.

Но мне хотелось с ними поговорить. Я кричал им я-а-тьех, «здравствуйте!» на языке навахо. Или издавал воинственные кличи, как индейцы в фильмах, нападающие на торговый караван. Мужчины отворачивались от меня, дети переводили взгляд в землю и прятали руки в карманы. Злые старухи пытались меня схватить, но я успевал увернуться. Мне просто хотелось повеселиться – а остальным почему-то нет.

Глава 3

Когда в школе шли уроки, весь поселок был в моем распоряжении. Другим детям не разрешалось бегать по улице и искать неприятностей на свою голову. Однажды утром, прежде чем уйти на работу, отец заметил, как я в окно гостиной наблюдаю за Коротышкой Джоном.

– Ты только погляди на этого тупого мексиканского бездельника! Да он едва ноги волочит!

Коротышка работал в поселке уборщиком. Каждый день он таскал по улице длинный шланг и поливал из него клочки газона перед домами.

– Он слабак, Дэвид. Да еще безмозглый. Уверен, ты легко его перехитришь, правда ведь? Как думаешь, забавно будет устроить какую-нибудь каверзу с его шлангом?

Отец рассмеялся.

Мы начали придумывать с ним разные «а что, если». Что, если я помешаю Коротышке поливать траву? Что, если сукин сын погонится за мной – смогу я добежать быстрей его до дома или спрятаться за забором? Что, если я так его доведу, что он уволится с работы?

Отец качал головой:

– Даже улитка и та ползает быстрее!

Я уселся на крыльце и стал наблюдать за Коротышкой. Потом потихоньку подкрался к нему и пережал шланг, так что вода перестала течь. Коротышка поднес наконечник к лицу проверить, все ли в порядке, я отпустил шланг, и вода ударила ему в нос. Я расхохотался и бросился бежать, прекрасно зная, что успеваю спрятаться и ему меня не догнать.

Это повторялось неоднократно. Бывало, что я подбегал к нему и дергал за штаны, а потом давал деру, и он безуспешно пытался меня поймать. В другие дни я дожидался, пока Коротышка вылезет из своего грузовика, забирался в кабину и сыпал в пакет с сэндвичами муравьев и ящериц – это я придумал сам, без помощи отца. Когда Коротышка обнаруживал, что я натворил, то бросался за мной в погоню, но он так медленно бегал, что мне становилось неинтересно. Его оказалось куда легче провести, чем маму.

Каждый раз я рассказывал отцу, как перехитрил Коротышку и какое у него было лицо, когда из шланга ударила вода. Отец смеялся и просил рассказать подробней. Он хлопал меня по спине и говорил:

– Ты самый сообразительный маленький гаденыш, какого я знаю.

А когда бедняга запросил наконец о переводе, потому что я не успокаивался, отец превозносил меня так, будто я стал чемпионом мира по боксу. Он говорил мне показать мышцы или пробежаться перед его парнями, хвастался, что я кого угодно обведу вокруг пальца и что когда-нибудь я стану настоящей знаменитостью.

Когда мы с ним были на рынке, в магазине или на другой компрессорной станции в Ганадо, отец всем и каждому рассказывал, как его четырехлетний сын справился с взрослым мужчиной. Он мог даже незнакомого человека отвести в сторонку и сказать:

– Видишь, это мой мальчик. Только послушай, что он недавно сделал!

Но жители поселка не были рады тому, что приключилось с Коротышкой. Они говорили, что бедняга просто делал свою работу и что отец зашел слишком далеко, подначивая меня. Но тот лишь смеялся им в ответ.

И правда, с чего столько шума? Я ведь просто шутил.

За ужином отец рассказывал нам истории о семье Кроу. Его большие голубые глаза распахивались еще шире, когда он говорил о своих родителях-чероки, которым пришлось бороться с белыми сукиными детьми, которые над ними издевались, и о том, как тяжело было выживать, вкалывая на пыльных полях Техаса и Оклахомы.

– Родители заставляли меня пахать как рабочего мула: уже в шесть лет я по двенадцать часов горбатился на поле, собирая хлопок, – говорил он, тряся головой. – А белые вокруг терпеть не могли нас, краснокожих.

Как настоящий чероки, он был умнее и храбрей всех вокруг, и в четыре года сам научился читать, хотя его отец не мог прочесть или написать ни слова на английском. Папа сам осваивал математику, химию и физику, сам читал английскую литературу – любые книги, какие ему попадались. Порой он даже их крал.

Тейлор, его отец, кое-как смог подписаться на заявлении о приеме в армию, когда его призвали служить в Первую мировую войну – для того, чтобы стрелять из пулемета или маршировать от зари до темна, грамотность не требовалась. Его корабль едва не потопила германская подлодка на пути в Европу. Он вернулся с войны инвалидом после того, как надышался ипритом во время одного жестокого сражения во Франции.

Тейлор не виноват, что так озлобился, говорил отец. Война лишила его здоровья, лишила разума – он уже не был собой прежним. С индейцами ужасно обращались, хоть они и защищали свою страну от фашистских ублюдков.

После войны тридцатитрехлетний Тейлор женился на четырнадцатилетней Элле-Мэй, двоюродной сестре его первой жены, погибшей в автокатастрофе. Отец был единственным из детей Тейлора и Эллы-Мэй, которому посчастливилось выжить. Остаток жизни Тейлор или лежал в госпиталях для ветеранов, или гнул спину на нефтяных разработках, таская тяжелое буровое оборудование. Когда в его услугах не нуждались, он собирал хлопок, гнал самогон и кидался в драку с любым, кто переходил ему дорогу, – черта, которая передалась и его сыну.

– Да уж, папаша не особенно заботился обо мне, – говорил отец, размахивая в воздухе вилкой. – Упивался самогоном до чертиков, разъяренный, врывался в дом и избивал меня мокрой веревкой.

Однако на мать, Эллу-Мэй, папа злился куда сильнее. Она постоянно отвешивала ему подзатыльники и кричала, что он недостаточно быстро собирает хлопок, хотя он справлялся лучше, чем большинство взрослых мужчин.

– Она только и искала повода меня унизить, жалкая сучка.

Он выплевывал слова, ноздри его раздувались, словно от неприятного запаха.

– Заставляла работать на износ – что бы я ни делал, как бы ни старался, ей все было плохо.

Втроем они жили в ржавых машинах, под мостами – где угодно, только чтобы укрыться от холода и дождя, а заодно от полиции. Тейлора не раз ловили на продаже самогона, и он постоянно был в долгах. Папа рылся в помойных баках в

поисках пищи. Семейство Кроу переезжало из города в город в поисках работы, стараясь как-то выжить.

Когда рассказ доходил до того, как мать убила его отца, папин голос становился хриплым. Элла-Мэй, устав от постоянных побоев, отравила мужа, подсыпав ему в еду крысиный яд. Очень скоро у двенадцатилетнего Терстона появился отчим и двое сводных братьев – «трое последних засранцев из всех чероки, каких когда-то носила земля». День, когда ему исполнилось восемнадцать и он поступил служить на флот, стал для него самым счастливым в жизни. Он ел каждый день по три раза и вскоре набрал пятнадцать килограммов.

Дальше начинались истории, которые мы любили больше всего. Отец рассказывал, как они сбивали над Тихим океаном японских летчиков-камикадзе, пытавшихся потопить их авианосец. Все эти сукины дети находили смерть в холодных океанских водах.

Папа рисковал жизнью. Он был очень храбрый.

Рассказывая о материнской ветви семьи, папа говорил, что она тоже индианка, потому что родилась в Кване, в Техасе – городке, названном в честь великого индейского вождя Квана Паркера. Мама подтверждала его слова. Она еще помнила, как сын того вождя проезжал мимо их дома в индейском головном уборе на своем мощном пегом коне.

У Далтонов были голубые глаза, золотисто-рыжие волосы и такая белая кожа, какой я ни у кого больше не видел. И Лонни, и Сэм, и я пошли в их породу. Мы отличались от остальных индейцев в резервации и от тех, которых показывали по телевизору. Мы были бледнолицые. Многие чероки белые, как призраки, говорил отец, и они носятся быстрей кавалерии и даже самого ветра.

Мама тоже ненавидела свою мать. Мэри-Этта несколько раз уходила от мужа, Джона-Бена, и таскала дочь по всему Техасу из одного убогого мотеля в другой, заставляя драить туалеты и ждать ее, пока она ублажала кого-нибудь из постояльцев. Супруга Мэри-Этта прямо-таки терпеть не могла. Он не сумел сохранить их ранчо во время Великой депрессии и тем самым обрек семью на нищету. Мама говорила, что тоска преследовала ее с самого детства, как и остальных членов семьи.

Даже в свои четыре я чувствовал, что родители что-то от нас скрывают. Когда отец распалялся, кое-какие детали в его рассказах менялись и становилось понятно, что в них многого не хватает, а кое-где проскальзывает ложь. Однажды ночью, выйдя из ванной, я услышал, как родители что-то говорят у себя в спальне, и подкрался поближе к их двери. Они не особенно скрывались, поскольку не подозревали, что их могут подслушать.

Это сыграло мне на руку, потому что с ушами у меня были проблемы, особенно с левым. Отец не доверял «этим недоучкам докторишкам» и прошлым летом, когда у меня поднялась температура и уши воспалились, сказал, что они сами пройдут. Однако получилось по-другому, и теперь мне пришлось крепко прижаться ухом к двери спальни.

Мама говорила что-то про парня по имени Джордж, который хочет убить отца. Мне это показалось какой-то бессмыслицей. Отец – герой войны, он сражался с японцами. Кому надо его убивать? Но, послушав еще, я начал понимать, что она имеет в виду.

Маме было пятнадцать, а отцу девятнадцать, когда они впервые встретились в Лос-Анджелесе сразу после войны. Брат мамы Билл работал вместе с отцом и познакомил его с сестрой в домике семьи Далтон в трейлерном парке, принадлежавшем Клео Коулу. Отец говорил, что мама была самой красивой девушкой, какую он видел в жизни, и он сразу же понял, что хочет жениться на ней.

Разозлившись, отец не раз кричал, что мама женила его на себе обманом, притворившись, что беременна. Но она настаивала, что была девственницей, когда они, спустя пять месяцев после знакомства, в день ее шестнадцатилетия, сбежали в Аризону, чтобы там вступить в брак. Через несколько недель она забеременела Лонни. Поскольку у отца не было денег, чтобы содержать семью, им пришлось переехать к Далтонам, в их новый дом в тридцати милях от трейлерного парка.

По словам папы, Клео любил подержаться за жирную задницу Мэри-Этты в обмен на скидку за жилье, помощь в ремонте машины и разную мелкую работу по дому. Мама этого не отрицала. Ее отец, Джон-Бен, мог что-то заподозрить, когда визиты Клео к ним продолжились, хоть они и покинули трейлерный парк. Но Джон-Бен работал в ночную смену, а днем отсыпался, поэтому, возможно, и

не знал, чем занимается в его отсутствие жена. Да и вообще, это мало его беспокоило, с учетом того, насколько они с Мэри-Эттой ненавидели друг друга.

Когда мама поняла, что беременна, она ушла из девятого класса и стала целыми днями валяться на диване у родителей в гостиной. Как-то раз в октябре Клео, выйдя из спальни Мэри-Этты, подошел к ней, прежде чем уехать восвояси. Мама говорила, что он был старик – жирный, грязный, с гнилыми зубами и кривой ухмылкой.

– Ого, Тельма-Лу, – сказал Клео в тот день, – да ты стала настоящей красоткой. Может, мне лучше проводить время с тобой, а не с твоей мамочкой?

В ту ночь мама, в присутствии Мэри-Этты, рассказала отцу про слова Клео. Отец взорвался, словно вулкан, и стал кричать, что порвет старого сукина сына на мелкие кусочки.

– Терстон, – сказала Мэри-Этта, – настоящий мужчина не станет с таким мириться. Тебе надо защитить честь жены – иди и задай Клео такую взбучку, чтобы на всю жизнь запомнил.

Это было все равно что ущипнуть за яйца спящего быка.

Отец выскочил из дома, заехал за своим боссом и лучшим другом, Джорджем, и вместе они помчались вершить месть. За полчаса пути до трейлерного парка отец обдумал стратегию дальнейших действий. План его был прост. Поскольку Клео чинит машины и сдает трейлеры напрокат, Джордж постучит к нему в дверь и скажет, что у него машина сломалась и он хочет переночевать в наемном трейлере. Отец был уверен, что обещанием заплатить за ремонт и аренду они легко выманят старого греховодника наружу, несмотря на позднее время.

Отец припарковался в квартале от трейлера Клео и отправил Джорджа постучаться к нему. Когда тот вместе с Клео вернулся назад, капот машины был открыт, будто Джордж до этого пытался сам устранить поломку. Отец спрятался за машиной с монтировкой в руке и пистолетом в кармане. Клео поставил на землю ящик с инструментами, посветил фонариком под капот, а потом склонился над мотором, чтобы посмотреть поближе.

Пока Клео проверял трамблер, Джордж натянул на руки перчатки, чтобы не испачкаться в крови. Когда Клео выпрямился, Джордж кулаком заехал ему в лицо, а отец выскочил из-за машины и ударил монтировкой по голове.

Отец не мог допустить, чтобы Клео его узнал.

– Выбьем ему глаза!

Клео, пока державшийся на ногах, развернулся к отцу лицом и попытался бежать. Отец ударил его в один глаз монтировкой, а во второй кулаком.

Клео без сознания рухнул на асфальт; из раны на голове ручьем потекла кровь. Отец с Джорджем, уверенные, что тот вот-вот испустит дух, бросились в машину.

Но она не завелась.

Клео, копаясь под капотом, почувствовал, что что-то неладно, и на всякий случай снял с трамблера ротор, спрятал его в карман, а потом вернул назад крышку.

Встревоженный, отец выскочил из кабины, перевернул Клео и вытащил у него кошелек и ключи, но ротора не заметил. Они с Джорджем запрыгнули в машину Клео и проехали несколько миль, а потом остановились на пустой парковке, чтобы избавиться от регистрационных документов и прочих бумаг, указывающих на Клео. В панике они не сообразили, что одной брошенной машины будет достаточно, чтобы выйти на них.

Тем временем Смайли, жена Клео, не дождавшись мужа, пошла его искать и обнаружила на улице в луже крови. Он еще дышал – хотя неглубоко и прерывисто. В «Скорой помощи» ей сказали, что еще пятнадцать минут, и все было бы кончено.

Полиция Лос-Анджелеса начала срочные поиски в соседних районах; машины с мигалками поехали по близлежащим улицам. И очень быстро наткнулись на двух парней, выбрасывающих документы из двери автомобиля. Отец с Джорджем тут же во всем признались.

– Клео еще дышал, когда мы уезжали, – сказал отец.

Это был самый легкий арест, какой копы только совершали.

В двадцать первый день рождения отца охранник в тюрьме Сан-Квентин сообщил ему, что его жена родила прекрасного младенца, девочку, которую назвала Лонни. Отец даже не знал, увидит ли когда-нибудь дочь. Пока что его приговорили к семи годам, но это могло измениться – все зависело от Клео.

Старик все еще оставался в тяжелом состоянии. После нападения он долгое время то приходил в себя, то снова впадал в кому, балансируя на грани жизни и смерти. Один глаз у него ослеп, второй тоже сильно пострадал, он так и не смог больше ни ходить, ни говорить. В случае его смерти обвинение изменили бы на предумышленное убийство, и тогда судья приговорил бы отца к смертной казни или пожизненному заключению без возможности помилования.

И я никогда бы не появился на свет.

В Сан-Квентине главный психиатр установил, что коэффициент интеллекта у моего отца выше, чем у всех, кого ему доводилось обследовать. На одной из их многочисленных бесед он сказал отцу, что интеллектуальные способности помогут ему быстро адаптироваться после освобождения. Но отец не стал ждать и пустил их в ход раньше, добившись для себя работы в медицинском блоке, где помогал с аутопсиями и заполнением карт – желанная для многих позиция.

Очень скоро отец убедил главного психиатра, что маму изнасиловали и он хотел за нее отомстить. Психиатр, в свою очередь, убедил начальника тюрьмы, что отец заслуживает досрочного освобождения, и его выпустили по истечении трех лет. Всю дорогу домой он смеялся.

В ночь преступления полицейские допрашивали отца и Джорджа по отдельности. Джордж утверждал, что просто хотел помочь другу и что Клео заслуживал того, что получил. Но отец говорил по-другому: мол, Джордж сам схватился за монтировку и утратил контроль над собой. А отец хотел только припугнуть старика.

В тот единственный раз, когда отец с Джорджем встретились на тюремном дворе, бывший приятель сказал ему: «Я тебя убью, понял? Ты двуличный лживый

сукин сын!»

Каждый раз, когда мама заговаривала с отцом о Джордже, она плакала, но все равно постоянно вспоминала о нем. Такая уж она была – повторяла и повторяла одно и то же. Чем сильно раздражала отца.

Неоднократно по ночам, когда я подслушивал у них под дверью, мама говорила:

– Мы застряли в этой жуткой резервации, где все меня ненавидят из-за того, что ты натворил. Никто же не проверял – может, тут все остальные тоже преступники?

– Тебя будут ненавидеть везде, где бы мы ни поселились! И я тебе в миллионный раз повторяю: нам повезло, что здесь никого не проверяют, потому что иначе я бы лишился работы и нас бы выкинули на улицу.

– Ты думаешь, Джордж нас не найдет? Когда-нибудь он явится и убьет нас всех!

– Боже мой, Тельма-Лу, да заткнись ты уже! Никто не станет здесь нас искать. И вообще, это все из-за твоей мамаши. Если бы эта старая толстозадая шлюха явилась на суд, она убедила бы судью, что Клео получил по заслугам. Жалко, мы не убили этого ублюдка.

Потом раздавался скрип кровати, означавший, что отец перевернулся на бок, положив разговору конец. Для меня это был сигнал уходить. Я крался на цыпочках в комнату, нашу общую с Сэмом, который спал крепким сном.

Глава 4

В июне 1957-го руководство ЭПНГ перевело отца на станцию в десяти милях от городка Белен в штате Нью-Мексико, примерно в двухстах милях к юго-востоку от Навахо-Стейшн и в тридцати милях к югу от Альбукерке. Отец говорил, что это занюханный городишко на реке Рио-Гранде, которая большую часть года течет такой же тонкой струйкой, как писает алкоголик. Наш новый дом оказался точной копией предыдущего, как и все вокруг – за исключением разве что детей,

игравших на площадке.

Месяц спустя отец привез маму домой из больницы с новорожденной малышкой, которую назвали Салли. Отец кричал на маму, что ребенок не его – у них не было секса уже лет сто. Лонни краснела и говорила, что из всех нас только у Салли отцовская смуглая кожа и широкие скулы. Мы полюбили сестричку с первого мгновения, как только увидели ее огромные карие глаза.

С каждым днем мама становилась все более унылой и уставшей, хоть нам и казалось, что дальше уже некуда. Она слонялась по дому в ночной рубашке, перемещаясь из спальни на диван, носила на руках Салли и постоянно проливала слезы. Завтраки по утрам нам готовила Лонни. Ей было тогда девять лет.

Я начал убегать все дальше и дальше от дома в пустыню. Мама этого не замечала. И отец тоже. Хотя он работал с четырех дня до полуночи, в остальное время ему тоже не сиделось дома, даже по выходным. Отоспавшись, отец шел на завод на сверхурочные или делал задания по инженерии, которую изучал заочно на курсах при Университете Нью-Мехико. Иногда он уходил на завод просто так, чтобы побыть одному – по крайней мере, так он нам говорил.

Как-то раз после ланча я ушел из дому, не сказав маме, и бежал до тех пор, пока последние дома не скрылись из виду. Ящерки увертывались у меня из-под ног, пока я мчался все быстрее через высокую траву, стараясь одновременно пинать ботинками камешки. Соседский пес, хаски, нагнал меня, лая как сумасшедший. Я оглянулся посмотреть, не случилось ли с ним чего, он замер на месте – и тут я провалился головой вниз в глубоченную яму.

Сначала я даже не испугался. В конце концов, я же чероки! Представляя себя актером вестерна, я издал боевой клич и попытался взобраться вверх по стенке, но скатился вниз, едва добравшись до половины. После множества попыток я сдался и начал кричать во все горло.

Хаски бегал по краю ямы и лаял или принимался царапать лапами землю, словно хотел спрыгнуть ко мне. Я кричал, пока не охрип, а он все продолжал лаять. Никто не приходил. Это было куда страшней, чем стоять привязанным к дереву.

Уже темнело, когда я услышал, как хлопает дверца машины, и, подняв глаза, увидел высокого тощего бритоголового парня в форме ЭПНГ. Сигарета алым огоньком светилась у него в руке.

– Не бойся, сынок, сейчас брошу тебе веревку и вытащу оттуда.

Я крепко держался за веревку, пока он меня поднимал, а потом уцепился за его руку. Хаски бегал вокруг меня и лизал руки и ноги – он едва не сбил меня с ног. Пес бежал за грузовиком, пока мы не выехали на дорогу, и все время продолжал лаять.

Дома парень проводил меня внутрь, и мы увидели, что мама так и спит на диване, не заметив моего отсутствия. Парень сказал, он даст Терстону знать, что со мной все в порядке. На следующий день отец лишь буркнул в мою сторону:

– Вот просидел бы в той яме всю ночь, может, что-нибудь понял бы наконец.

Мама и Лонни очень радовались, что я пошел в детский сад, но теперь трехлетний Сэм носился по всему дому и орал, словно сумасшедший. Мама жаловалась, что готовка, глажка и уборка в нагрузку к двум неуправляемым сыновьям и малышке в пеленках – это для нее уже слишком.

– Да в чем проблема? – спрашивал отец. – Ты что, ожидала, что будешь жить, как в кино? Или хотела стать одной из этих королев на день?

Мама бросалась в спальню, хлопала дверью и снова рыдала.

Как-то раз в субботу утром отец сказал, чтобы мама прекратила его донимать, сел в машину и куда-то уехал. В обед он вернулся с огромной коробкой в багажнике.

– Купил тебе гладильный пресс, – заявил он маме. – С ним гладить гораздо проще – если только ты оторвешь от дивана свою ленивую задницу.

Мы собрались вокруг посмотреть, как он будет его выгружать. Соседка, проходившая мимо, сказала, что такой огромный пресс видела только в

химчистке, где стирал одежду весь город. Она и представить не могла, что какой-то семье он необходим для глажки.

Затащив ящик в гостиную, отец достал инструкции, принес свои инструменты и начал собирать агрегат. Мы с Сэмом пытались подавать ему гаечные ключи и отвертки, но он нас прогнал:

– А ну, не путайтесь под ногами!

Когда отец закончил, посреди комнаты стоял гигантский гладильный пресс с двумя массивными железными пластинами и двумя педалями, как на пианино у Лонни.

Мама испуганно шарахнулась при виде него.

– Я не управлюсь с такой громадиной! – вскрикнула она, пытаясь обхватить пресс обеими руками.

Отец налил воду в большой цилиндр и повернул переключатель цвета меди. Практически сразу из машины пошел пар и раздался свистящий звук.

– Тельма-Лу, – сказал отец, – смотри на мои ноги.

Одна педаль смыкала пластины между собой, вторая их размыкала.

– Надо нажать на вторую педаль, или пластины не откроются, пока не закончится двухминутный цикл.

Он продемонстрировал это на паре джинсов. Сэм ахнул, когда они вышли из-под пресса такими, будто по ним проехался каток. Взяв из переполненной бельевой корзины выстиранную футболку, отец протянул ее маме.

– Давай, теперь попробуй ты.

Она положила ее на нижнюю пластину, нажала на педаль старта и отскочила, когда верхняя пластина начала опускаться. Когда пластины открылись, футболка была тонкой и гладкой, как лист бумаги, и пахла, как воздух после

дождя.

– Тельма-Лу, когда я вернусь домой со смены, все вещи должны быть выглажены.

У мамы задрожала нижняя губа.

– Я постараюсь.

Когда отец уехал, Лонни унесла Салли в родительскую спальню, а мама принялась гладить.

– Я не могу так, – бормотала она себе под нос, – я не понимаю, что надо делать.

Потом она стала жаловаться, что пар из-под пресса обжигает ей глаза.

Ничего бы не случилось, не запрети она нам в тот день идти играть на улице. Запертые в доме, мы с Сэмом бегали туда-сюда, и каждый раз, когда я попадал в него стрелой с резиновым наконечником из игрушечного лука, он падал на пол и болтал в воздухе ногами, делая вид, что умирает. Когда мы устали от этой игры, он перебежал в гостиную и стал сбивать фотографии и сувениры с журнального стола.

Мама с криком бросилась за ним, и тут мяч, которым я ударил о стену, срикошетил ей в голову. Она обернулась, чтобы погнаться за мной, и Сэм подскочил к прессу.

Мы не сразу поняли, что произошло. Из-под пресса повалил дым и пошел отвратительный запах. Лонни, с Салли на руках, вбежала в гостиную посмотреть, что случилось. Сэм стоял возле пресса и кричал, пытаясь вырваться – каким-то образом его левая рука оказалась под верхней пластиной. Мама кинулась к прессу и дернула его за руку, но она не двигалась. Лонни раз за разом изо всех сил давила на подъемную педаль, но пластины не размыкались.

Мама с громким криком повалилась на пол. Лонни схватила руку Сэма, но ей тоже не удалось его освободить. Я обхватил сестру за талию и принялся тянуть, пока она держала Сэма. Но и это не помогло. Сэм подпрыгивал, трясся и кричал

так, будто его убивают.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем пластины разомкнулись. Рука Сэма превратилась в кровавую массу, словно растопилась под прессом. Схватив Сэма, Лонни побежала с ним в ванную, и когда они мгновение спустя выскочили оттуда, рука Сэма была обернута полотенцем, а по полу за ними тянулся кровавый след. Слезы катились у нее по щекам, но держалась она спокойно. Лонни передала Сэма мне и побежала к телефону, звонить отцу.

Сэм безжизненно повис у меня на руках. Я не мог перестать плакать. Мой брат получил такое страшное увечье – и все по моей вине.

– Он уже едет, – сказала Лонни.

Мама перестала рыдать, но все еще всхлипывала, поднимаясь с пола.

Через несколько минут отец на Зеленом Бомбардировщике влетел во двор с такой бешеной скоростью, что я испугался, как бы он не врезался в стену. Ввалившись внутрь, он приказал нам собрать кое-какие вещи и садиться в машину – надо срочно ехать. Матери он велел обернуть руку Сэма марлей с вазелином и наложить чистую повязку.

Хут, начальник отца, услышав, что произошло, позвонил в госпиталь в Фениксе, и там обещали, что нас будет ждать хирург. В Альбукерке нет врача, который мог бы вылечить Сэму руку, сказал Хут.

Мы все забрались в машину и выехали из поселка. Лонни укачивала Салли на руках, сидя на заднем сиденье вместе со мной, а мама впереди держала Сэма и все еще громко всхлипывала. Отец смотрел только вперед. Он так крепко вцепился в руль, что казалось, костяшки пальцев вот-вот прорвут ему кожу.

Лицо у Сэма стало пунцово-красным, он не двигался и не издавал ни звука. Глаза его были закрыты, словно во сне. Отец сказал, что это болевой шок. Я боялся, что он уже не проснется.

Лонни наклонилась вперед.

– Папа, а как же Ночка? – мягко спросила она.

– Ничего с ней не случится.

Больше мы никогда ее не видели.

Облако пыли летело за Зеленым Бомбардировщиком, словно мы убегали от торнадо. Впервые за всю жизнь я, такой шумный, не издавал ни звука. Салли завозилась и захныкала у Лонни на руках. На улице стемнело, и я смотрел на усыпанное звездами небо над пустыней, слушал шум деревьев и старался убедить себя, что с Сэмом все будет в порядке.

Мы приехали в госпиталь глубокой ночью. Отец припарковался у входа и вбежал внутрь с Сэмом на руках. Сестры в белых униформах уложили его на каталку и повезли дальше по коридору, мама с папой последовали за ними. Лонни, Салли и мне не позволили пойти, и мы уселись в комнате ожидания.

Лонни сменила Салли подгузник, дала бутылочку и отправила меня к торговому автомату за печеньем и газировкой. Несколько раз она брала меня за руку и говорила, что я ни в чем не виноват, но я только качал головой и плакал. Всю ночь я проходил по комнате ожидания из угла в угол, считая квадратные плитки на полу и представляя себе, как Сэм вбежит туда, смеющийся и веселый.

Уже светало, когда мама с папой вернулись к нам. Сквозь слезы мама сказала, что Сэма еще оперируют. Глаза у нее были красные, а щеки раздулись так, будто ей натолкали в рот ватных шариков.

– Папа, – спросил я, – с Сэмом все будет в порядке?

Он поднял руку, прося меня остановиться, потому что слезы застилали ему глаза. Наверное, дело было совсем плохо, раз он не отвечал. Я снова стал считать плитки, но стоило мне подумать о Сэме, как я сбивался со счета, и приходилось начинать сначала.

Уставившись в стену, мама трясла головой и бормотала себе под нос, что это не ее вина. Она так и знала, что гладильный пресс представляет опасность для

детей. Слишком уж сложно с ним управляться, говорила она, не обращаясь ни к кому в особенности. Лонни покачивала Салли на руках и тихонько ей напевала: «Не плачь, малышка». Никто не обращал на нас внимания – мы сидели среди таких же грустных, утомленных людей, которым, судя по их виду, отнюдь не хотелось здесь очутиться.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем явился доктор. Он поставил себе стул напротив мамы с папой.

– Подвижность в руке у Сэма восстановится практически полностью, – сказал он. – Но пройдет несколько месяцев, прежде чем мы сможем его выписать из больницы. Мы пересаживаем ему кожу с живота на руку. Это новая техника, которая показала многообещающие результаты.

Мы поселились в полном тараканов мотеле, в комнате с двумя кроватями и крохотным телевизором. Я со своей подушкой и одеялом спал на полу, а Лонни с Салли на одной из кроватей, рядом с мамой и папой. Мама почти не разговаривала, разве что иногда жаловалась, что все винят ее за происшествие с Сэмом. Глаза у нее застывали, как будто в трансе; я мог несколько раз пройти мимо, но она меня не замечала.

Отец вел себя так, будто ее с нами вообще не было.

Несколько долгих недель Сэм лежал в стеклянном боксе на маленькой кроватке под прозрачной пластиковой палаткой. Нам не разрешалось заходить внутрь. Каждый день папа поднимал меня повыше к стеклянной перегородке и говорил помахать брату рукой. Левая ручка Сэма была прибинтована к животу, а правая пряталась под ярко-голубым одеялом. Ремни крепко фиксировали его грудь и ноги, чтобы он мог двигать только головой. Он поворачивался посмотреть на меня, и я плакал, но он всегда широко улыбался мне в ответ.

– Когда ему снова разрешат играть? – спросил я строгую медсестру в белой форме и накрахмаленной шапочке.

– Еще не скоро, – ответила она. – Ему надо находиться в стерильной кислородной палатке, пока он не поправится достаточно, чтобы противостоять инфекциям.

Папа звонил своему начальнику, рассказывал новости про Сэма, и Хут говорил, что мы можем не торопиться с возвращением. Рабочее место за ним сохранится. Но зарплату отец не получал, и вскоре деньги у нас закончились, так что он взял нас с Лонни помогать на сборе фруктов и хлопка – делать ту же работу, что и он в моем возрасте.

В жаркой аризонской пустыне мы трудились вместе с поденщиками-мексиканцами, в которых мне так нравилось стрелять камешками из рогатки. Иногда, если они стояли нагнувшись, я попадал им по заду яблоком или грушей. Они что-то кричали на испанском и грозили мне пальцем.

Бывало, я кидался помидорами в проезжающие грузовики и смотрел, как они разбиваются о борта. Я не думал, что отец за мной смотрит, однако после одного из лучших моих бросков он вдруг ухватил меня за руку и сказал, что, стоит ему еще хоть раз увидеть, как что-то летит в воздухе, он вытрясет из меня всю душу. Поэтому я развлекался подобным образом только в его отсутствие. Когда это мне надоедало, я подбрасывал яблоки в воздух и ловил, делая вид, будто играю в бейсбол. Или целился в корзины, куда мы складывали фрукты. Только проказничая, я ненадолго отвлекался от мыслей о Сэме.

Мы ели свежие фрукты с фермы и еду, которую не надо было готовить, вроде салями или сэндвичей с сыром. Отец поглощал сардины прямо из жестяной банки, и пахли они даже хуже бычьих ветров. Мама смешивала порошковое молоко с ржавой водой из-под крана, отчего вкус у него был еще хуже, чем обычно. Когда никто не смотрел, я потихоньку выливал молоко в раковину.

Наконец настал день выписки Сэма из больницы. Сестра вывезла его из бокса и передала с рук на руки маме. Я подбежал его обнять, а Лонни крепко поцеловала в макушку. Сэм рассмеялся. На руке и на животе у него по-прежнему были повязки. Сестра сказала, что с ним надо обращаться осторожно, потому что кожа у него еще очень нежная.

Врач сообщил отцу, что после пересадки кожу у него на руке и на животе надо будет отшлифовать, чтобы она выглядела естественно, когда он подрастет.

– Не буду я платить ни за какую шлифовку, – ответил отец. – В кинозвезды мы его не прочим. Подумаешь, кожа в морщинах – ничего такого тут нет.

По дороге домой я пообещал быть хорошим мальчиком, чтобы Сэм опять не пострадал. Отец повторил, что это не моя вина и что мне не о чем беспокоиться.

Но я беспокоился.

Мы остановились в придорожном кафе купить гамбургеров и кока-колы, и отец снова взялся рассказывать нам о своих приключениях во время Второй мировой. Я издавал разные звуки, подражая пулемету, и складывал руки лодочкой, изображая пикирующий истребитель, в котором сидит японец-камикадзе. Даже мама смеялась надо мной. А отец в кои-то веки не кричал на нее.

* * *

Мы вернулись домой как раз к вечеринке на Хэллоуин, которую устраивали для сотрудников ЭПНГ. Я оделся Роем Роджерсом[1 - Рой Роджерс – американский актер, ковбой и певец.] и съел столько конфет, сколько смог в себя затолкать. Отец не сделал мне ни одного замечания, а мама улыбалась, глядя, как я танцую с Джинджер, дочкой Хута. Она была на три года меня старше, но соглашалась играть со мной.

Вскоре после вечеринки наша жизнь потекла по-прежнему: отец кричал на маму, Лонни заботилась о Салли, а я стрелял игрушечными стрелами в картины на стенах, чтобы мама отпустила меня гулять. Каждый раз это срабатывало. Сэм все еще ходил с повязкой на руке, а живот его был покрыт прямоугольными красными пятнами, но мы привыкли видеть его таким.

Теплым мартовским вечером мама позвала меня из кухни:

– Дэвид, как ты думаешь, не прокатить ли нам Сэма на велосипеде?

Она вошла в гостиную, где я валялся на полу, играя в пластмассовые фигурки индейцев и ковбоев.

Я поднял на нее глаза и удивленно заморгал: одетая, с причесанными волосами, она уже была готова к выходу. Лонни должна была играть на фортепьяно и присматривать за восьмимесячной Салли, пока мы будем кататься на ее велосипеде.

Перед домом мама усадила Сэма в корзину на руле. На нем был один подгузник – ни обуви, ни рубашки. После того случая с гладильным прессом Сэм снова вернулся к подгузникам и говорить стал хуже, чем раньше.

Мама повернулась ко мне.

– Садись сзади, для равновесия.

Ей пришлось трижды забираться на сиденье, одной рукой держа юркого Сэма, а второй – руль, прежде чем мы поехали.

Я крепко уцепился сзади за седло.

– Ты уверена, что мы не перевернемся?

– Все в порядке. Я всю жизнь гоняла на велосипедах, да и машины тут не ездят, так что беспокоиться не о чем. Будет здорово!

Мама давила на педали, велосипед вилял, а мой брат изо всех сил пытался выбраться из корзины.

– Сэм, не вылезай, – повторяла мама, усаживая его обратно.

Велосипед завихлял от того, что мы ехали слишком медленно, и мама попыталась ускориться. Но тут Сэм каким-то образом поднялся на ноги в корзине и выпал из нее. Его левая нога застряла между колесом и вилкой, и велосипед перевернулся.

Сэм с громким хрустом ударился головой о дорожный бордюр, мама свалилась на него сверху. Я тоже упал и ударился о бордюр головой, но как-то сумел подняться на ноги. Из головы и из ноги у Сэма текла кровь, раны на животе тоже кровоточили. Большой палец на левой ноге болтался на лоскуте кожи, почти отрезанный от стопы.

Он кричал так же громко, как тогда, под гладильным прессом. Как такое могло случиться с ним снова? Как мама могла быть настолько глупой?

– Что такое, Сэм? – взвизгнула она. Мама вела себя так, будто это он во всем виноват и сам понимает, что поступил плохо. Когда она увидела, насколько серьезно Сэм ранен, то схватила его на руки и побежала назад к дому. Я последовал за ней. Лонни выскочила из-за пианино и помогла маме обмотать его ногу полотенцем.

– Мама, осторожно! Не оторви ему палец.

Лонни позвонила папе, и он спешно повез нас троих в госпиталь в Альбукерке. Я и забыл, что у меня самого течет по голове кровь. По сравнению с моим несчастным братом я был в полном порядке. Я сильно плакал – не столько из-за Сэма, сколько из-за несправедливости всего происходящего.

В тяжелые минуты мама с папой всегда объединялись, поэтому не было никаких криков или битья. В госпитале отец отвел меня в туалет смыть кровь с головы и пошутил, что он, мол, надеется, я не проломил своей башкой тротуар. Мама в комнате ожидания снова рыдала и тряслась, но мы не обращали на нее внимания.

На улице было темно, когда доктор с суровым лицом пришел с нами поговорить.

– У вашего сына перелом черепа и сотрясение мозга. Он будет под наркозом до тех пор, пока отек мозга не пройдет. Теперь насчет большого пальца – хирург еще работает, пришивает обратно связки. Это сложная процедура, но, думаю, палец удастся сохранить. Он проведет в операционной еще около часа, а потом на несколько дней останется в госпитале из-за травмы мозга.

Мы посидели еще, и пришел другой врач.

– Палец Сэма со временем заживет, – сообщил он. – Но нормально ходить он сможет еще не скоро.

Несколько дней спустя я поехал с мамой и папой забирать Сэма из госпиталя. Мама взяла брата на руки, но отец отобрал его, сказав, что с ее ловкостью она наверняка его уронит. Когда мы шли к выходу, нас окликнул пожилой врач:

– Мистер и миссис Кроу, можно переговорить с вами у меня в кабинете?

Я вошел вместе с ними – никто мне этого не запрещал.

– Прошу, садитесь, – сказал врач, прикрывая дверь. Он взял со стола картонную папку и посмотрел на маму. – Я пытаюсь разобраться, что произошло. Почему вы посадили ребенка в велосипедную корзину?

Дожидаясь, пока мама ответит, отец что-то напевал себе под нос, тихо и медленно, как заевший проигрыватель. Все обычные признаки гнева были налицо: выпученные глаза и пульсирующая вена на лбу, морщины, собравшиеся в складки. Со стороны казалось, что он спорит сам с собой.

– Я не могла оставить Дэвида одного, – ответила мама сквозь слезы. – Он постоянно что-то вытворяет. Лонни присматривала за Салли в доме… с ними все было в порядке. Я посадила Сэма в корзину и держала одной рукой. По-моему, это безопасно… Машин у нас нет… Сэму так нравилось… Дэвид сел сзади, для равновесия, но он оказался такой тяжелый, я еле тронулась с места… Сэм вывернулся у меня из-под руки. Такое могло случиться с кем угодно. Я ни в чем не виновата.

Врач смотрел на нее, нахмурив брови. Потом он открыл папку и что-то в ней записал.

– Тельма-Лу даже о пластмассовой игрушке позаботиться не в силах, – вставил отец.

Врач поднял голову.

– Разве можно так говорить о собственной жене, мистер?

– Жене? – взревел отец. – Если вам нужна эта тупая сучка, забирайте, я с удовольствием оставлю ее здесь.

Врач встал и вышел из кабинета.

Когда мы проходили через зал ожидания, все провожали нас взглядами. Я уставился в пол, лицо мое горело. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

По дороге домой мама держала Сэма на руках, завернутого в одеяло, и раз за разом пересказывала свою историю. Отец изо всех сил сжимал руль, и желваки у него на щеках ходили туда-сюда.

– Не понимаю, чего ты так разозлился, – говорила мама голосом, дрожащим от слез. – Сэм так обрадовался, засмеялся и затопал ножками, когда я сказала, что мы поедем кататься на велосипеде.

Она развернулась ко мне, словно приглашая подтвердить ее слова.

Но я не мог этого сделать. Я смотрел на свои колени и впервые в жизни думал, что отец, возможно, прав – пожалуй, мама действительно сумасшедшая.

Глава 5

Родители перестали разговаривать друг с другом. В своей спальне по ночам они больше не смеялись. Теперь они только кричали, и отец стал сильнее бить маму. Она бродила по дому с унылым рассеянным видом, как бродячие собаки, которых я видел в поселке.

Соседи избегали ее так же, как на Навахо-Стейшн, – если она стучалась к ним в дверь, ей никто не открывал.

– Я знаю, что они дома, – говорила она мне. – Наверное, не слышат, что я стучу.

Мы с ней ходили от дома к дому, но никто не открывал нам дверь.

По вечерам на маму находило странное оживление. Когда наступало время ложиться спать, она начинала метаться между нашими спальнями, вроде как помогая укладываться, но на самом деле мы уже были в постелях.

– Ты умылся на ночь, Дэвид? – спрашивала она, и даже когда я отвечал, что да, все равно приносила мне мокрое полотенце. То же самое происходило с чисткой зубов. Потом она начинала поправлять мне простыни и копаться в шкафу, раз за разом переспрашивая, готов ли я ко сну.

В конце концов она выходила, и я уже начинал засыпать, как вдруг меня будило какое-то шевеление в волосах, словно туда заползли муравьи. Но это была мама – перебирала мои волосы кончиками пальцев. Она дышала мне в лицо, словно хотела меня проглотить, и задавала какие-то бессмысленные вопросы.

– Дэвид, ты знаешь, кто оставил чашку в раковине?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Рой Роджерс – американский актер, ковбой и певец.

Купить: https://tellnovel.me/ru/krou_devid/blednolicaya-lozh-kak-ya-pomogal-otcu-v-ego-prestupleniyah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить